

«Иран демонстрирует, что суверенитет — это не дар, а результат военной самостоятельности и антиколониалистического духа», — говорит иранский ученый

Перемирие между США и Ираном на грани срыва. Зейнаб Гассеми Тари рассказывает, как быстро возобновились атаки и ответные удары, что подтверждает глубокое недоверие Тегерана.

Марко Фернандес

чтв 09 апр 2026

США и их союзникам потребовалось всего несколько часов, чтобы подтвердить недоверие иранских властей и населения к всё ещё хрупкому перемирию в незаконной войне против Ирана. В то время как иранская инфраструктура уже

подверглась атакам — с практически немедленным ответным ударом Тегерана по Кувейту и ОАЭ — Израиль осуществил свою самую жестокую на сегодняшний день атаку на Ливан, убив более 100 человек в центре Бейрута.

Издание Brasil de Fato побеседовало с Зейнаб Гассеми Тари, профессором кафедры американистики Тегеранского университета, которая заявила, что «хотя перемирие формально всё ещё может существовать на бумаге, объявленная Ираном позиция “палец на спусковом крючке” явно реализуется на практике», и что, если эти атаки не удастся сдержать, «маловероятно, что нынешнее перемирие сохранится».

По её мнению, празднования, которые можно было наблюдать на улицах иранских городов после объявления перемирия, отражают скорее смесь радости и осторожности, чем волну безудержного оптимизма. Эти торжества, по всей видимости, выражают своего рода национальную гордость, поскольку Иран продемонстрировал свою способность противостоять коалиции, включающей самую мощную военную силу в мире, действующую в союзе с сионистским режимом и арабскими монархиями региона.

По этой причине Зейнаб Гассеми считает, что Иран находится на пороге «решающего сдвига в мировом порядке», поскольку, если стране удастся добиться выполнения своих десяти пунктов, она должна «стать не просто региональной державой, но и мировой державой». С личной точки зрения она признаётся, что «эти сорок дней были, без преувеличения, самым трудным и мучительным периодом в моей жизни». Имея семимесячного ребёнка, иранская исследовательница вспоминает, что «каждое сотрясение от бомбардировок вызывало у меня холодок в сердце», однако она уверенно заявляет: «Я никогда не чувствовала такой гордости за то, что я иранка!»

Читайте её эксклюзивное интервью изданию Brasil de Fato ниже:

За девяносто минут до того, как Трамп якобы отдал приказ «положить конец иранской цивилизации», он вновь отступил, согласившись вести переговоры на основе десяти пунктов, предложенных Тегераном. Многие аналитики расценили это как историческую победу Ирана, а некоторые даже назвали это унижением для Трампа. Как иранское общественное мнение и правительство отреагировали на угрозы и резкую риторику Трампа? Как вы оцениваете события последних нескольких часов? Появилось множество фотографий людей, празднующих на улицах; наблюдается ли волна оптимизма среди населения или большинство людей всё ещё сохраняют осторожность?

Помните, что президент США уже неоднократно был вынужден отступать от прямых угроз уничтожить инфраструктуру Ирана — что является прямым следствием продемонстрированной Ираном военной устойчивости и способности к стратегическому сдерживанию.

В первые часы после объявления перемирия преобладающим настроением среди иранцев была глубокая осторожность. Этот скептицизм не является абстрактным — он основан на долгой и горькой истории обманчивых переговоров с Соединёнными Штатами. В качестве недавних примеров можно привести как более ранние конфликты, так и последнюю войну, когда Иран подвергался атакам со стороны США и Израиля, в то время как обе стороны формально вели дипломатические переговоры.

После разъясняющих заявлений Высшего совета национальной безопасности Ирана (SNSC) относительно тегеранского предложения из десяти пунктов общественные настроения постепенно сместились в сторону сдержанного оптимизма, однако осторожность остаётся доминирующей позицией. Примечательно, что в официальном заявлении самого SNSC, хотя отступление Трампа и признаётся положительным развитием, прямо предупреждается о ненадёжности американцев и сионистского образования. Также подчёркивается, что любое нарушение условий перемирия со стороны США или их союзников вызовет немедленный и соразмерный ответ Ирана. Это не послание наивной победы, а проявление стратегической бдительности.

Что касается настроения общественности и празднований, да, люди празднуют, но их радость требует нюансов. Это скорее проявление национальной гордости, чем волна безудержного оптимизма: гордости за способность Ирана противостоять коалиции США, сионистского образования и их региональных союзников. Широкая общественность всё больше рассматривает это перемирие как явное свидетельство военного успеха Ирана, особенно учитывая уникальный характер противостояния: с одной стороны — единый фронт США, Израиля и их региональных союзников; с другой — Иран, который, действуя почти в одиночку, успешно защищает свой суверенитет против экзистенциальной военной угрозы.

Таким образом, события последних нескольких часов можно рассматривать как ключевой момент тактической победы иранской дипломатии и стратегии сдерживания, однако большинство иранцев остаются в лучшем случае сдержанно оптимистичными. Исторический опыт обмана со стороны США — от переворота 1953 года до выхода из СВПД и недавних атак во время переговоров — отбрасывает долгую тень. Поэтому, хотя существует осязаемое чувство достижения и облегчения, доминирующее общественное настроение лучше всего описать как

«надеющееся, но настороженное». Любой устойчивый оптимизм будет полностью зависеть от того, будут ли США и их союзники соблюдать условия этого соглашения; в чём многие иранцы и их правительство остаются глубоко скептическими.

После объявления перемирия Иран подвергся атаке на нефтеперерабатывающий завод на острове Лаван, а также пострадала инфраструктура на острове Харг.

Иран заявил, что «держит палец на спусковом крючке» и уже нанес ответные удары по опреснительным и энергетическим объектам в Кувейте и Объединённых Арабских Эмиратах. Возникает ли риск, что перемирие провалится?

Да, существует значительный риск того, что перемирие не выдержит. События последних нескольких часов показывают, что прекращение боевых действий крайне хрупкое, и взаимные удары уже возобновились.

По сообщениям, три электростанции и установки по опреснению воды в Кувейте были поражены иранскими дронами сегодня утром в ходе ответной атаки после удара по нефтеперерабатывающему заводу на острове Лаван в Иране. Эти удары, направленные на энергетические и водоснабжающие объекты, нанесли серьёзный материальный ущерб инфраструктуре страны.

Разведданные указывают на то, что удар, вероятнее всего, был нанесён страной Персидского залива, скорее всего Объединёнными Арабскими Эмиратами, с целью сорвать перемирие.

Помимо театра военных действий в Персидском заливе, Иран также готовит военный ответ на израильскую агрессию в Ливане. Это свидетельствует о том, что конфронтация не ограничивается одним фронтом, а может приобрести региональный характер.

В совокупности эти события свидетельствуют о четкой закономерности: ответные меры уже были приняты — Иран нанес удары по инфраструктуре Кувейта и ОАЭ в ответ на атаки на иранской территории в районе Лавана и острова Харг. Фактически первоначальное перемирие нарушается противниками Ирана.

Таким образом, хотя на бумаге перемирие, возможно, и продолжает действовать, объявленная Ираном позиция «пальца на спусковом крючке» явно претворяется в жизнь. Если государства Персидского залива и Израиль не присоединятся к обязательному к исполнению и поддающемуся проверке соглашению, нынешнее затишье вряд ли сохранится.

Из 10 предложений, которые Тегеран представил США при посредничестве премьер-министра Пакистана, какое вы считаете наиболее важным? Есть ли какие-то пункты, по которым правительство было бы готово пойти на уступки? А какие пункты являются неприемлемыми для обсуждения?

Прежде всего я должна отметить, что все десять предложений, переданных Соединенным Штатам при посредничестве премьер-министра Пакистана, являются неотъемлемой частью всеобъемлющего и справедливого урегулирования. Иран рассматривает их как единый пакет мер.

Тем не менее, если выделить наиболее стратегически значимый и новаторский элемент этой договоренности, то им станет контролируемое прохождение через Ормузский пролив в координации с иранскими вооружёнными силами.

Это крайне важный момент, поскольку он выходит за рамки временного перемирия или простого возвращения к довоенному статус-кво. Его цель — придать стабильность региону, который всегда был нестабильной горячей точкой. Официально закрепив эту координацию, Иран сохраняет свои законные и суверенные рычаги влияния над одной из важнейших геостратегических артерий мировой нефтяной отрасли. Результатом этого конфликта не должно стать ослабление регионального авторитета Ирана; напротив, это положение гарантирует сохранение власти Ирана над проливом. Оно обеспечивает структурированный механизм не только для повседневной безопасности на море, но и служит важным рычагом для контроля и, при необходимости, наказания будущих агрессий и нарушений международного права. В этом смысле этот пункт гарантирует, что Иран выйдет из этого процесса более сильным и более безопасным в своей непосредственной морской зоне.

Интересно! Я думал, Вы скажете о снятии первичных и вторичных санкций.

Очевидно, что отмена первичных и вторичных санкций имеет огромное значение. Но этот вопрос обсуждается уже с 2018 года. Это те же самые бесконечные споры, в которых мы застряли уже много лет.

Дело с проливом — это совсем другое. Это что-то новое. И это не просто обещание на бумаге, а реальный, практический рычаг воздействия. Это то, чем Иран может воспользоваться прямо сейчас. Это не ожидание, пока противная сторона проявит доброжелательность; это инструмент, которым мы управляем в режиме реального времени, когда начнут падать бомбы. Вот в чём заключается настоящий перелом.

По заявлению пакистанского правительства, перемирие распространяется и на Ливан. Однако Израиль уже заявил, что не признает перемирие на территории Ливана. Впоследствии Иран подтвердил первоначальное заявление Пакистана. Что же в конечном итоге станет с незаконным вторжением Израиля в южный Ливан, а также с продолжающимися нападениями на ливанское гражданское население и инфраструктуру? Хватит ли у Израиля сил противостоять сокрушительным наступлениям Ирана?

Несмотря на то, что Пакистан включил Ливан в рамки соглашения о прекращении огня, а Иран подтвердил его, Израиль отказывается признавать его. Иранские официальные лица и вооруженные силы заявили, что на незаконное вторжение Израиля и нападения на ливанских мирных жителей будет дан ответ силой, а не дипломатией. Как заявил «Аль-Джазире» один из высокопоставленных иранских чиновников: «Соглашение о прекращении огня распространяется на весь регион, а Израиль сознательно нарушает свои обещания. Сдержать его смогут только пули».

В качестве немедленного ответного шага на нападение в Ливане Иран частично перекрыл Ормузский пролив. Кроме того, Иран сообщил посредникам, что примет участие во встрече в Исламабаде только в том случае, если будет гарантировано прекращение огня в Ливане. Послание ясно: действия Израиля на юге Ливана повлекут за собой как стратегическое экономическое давление, так и прямые санкции.

Со времён войны во Вьетнаме США ни разу не отступали перед лицом военного ответного удара со стороны страны, в которую они вторглись (случай с Афганистаном отличается, поскольку там продолжается оккупация уже 20 лет). Если США вновь не предадут Иран и примут 10 пунктов, выдвинутых Тегераном, или по крайней мере большинство из них, то какое влияние это поражение «Империи» окажет на расклад сил в региональной и глобальной геополитике? Какие уроки может извлечь «Глобальный Юг» из иранского случая?

Это соглашение стало бы огромной стратегической потерей для Трампа — самой крупной со времен Вьетнама — и ознаменовало бы окончательный сдвиг в мировом порядке. В результате Иран стал бы не просто региональной, а глобальной державой.

Этот статус Иран завоевал, несмотря на 47 лет жестоких санкций и постоянной агрессии. Успех объясняется «экономикой сопротивления» Ирана и его способностью самостоятельно производить оборонную продукцию, не завися от ни

Востока, ни Запада. Благодаря способности обеспечивать собственные потребности и, следовательно, адаптироваться и восстанавливаться, Иран продемонстрировал свою устойчивость к внешнему давлению.

Для стран Глобального Юга из этого следует важный урок: суверенитет — это не дар, а результат самодостаточности и духа антиколониализма. Выносливость Ирана коренится в его шиитской идентичности и принципе защиты угнетенных от угнетателей. Если Империя будет вынуждена отступить с этого поля сражения, это станет сигналом всему миру о наступлении новой, многополярной реальности.

Как вы лично пережили бесчисленные бомбардировки, которым подвергся Иран в последние недели? Помимо тысяч погибших — в том числе ключевых лидеров и бесчисленного количества детей — каковы были основные потери, понесенные вами в результате атак со стороны США и Израиля?

Эти сорок дней стали, без преувеличения, самым тяжким и мучительным периодом в моей жизни. Тяжесть этого времени заключается не только в количестве ударов, но и в постоянной, пронзительной скорби по потере как ключевых фигур, так и простых иранцев. Мы получили печальную весть об убийстве высокопоставленных чиновников — утрате, на которую так называемое международное сообщество отреагировало безнаказанностью и оглушительным молчанием.

Уже в первый день этой войны более 160 детей погибли в результате удара американских ракет по школе в Минабе. Тела некоторых из них так и не были найдены; они остаются погребенными под обломками здания, которое должно было служить местом обучения и веселья.

Как мать семимесячного малыша, каждое сотрясение от обстрелов заставляло мое сердце сжиматься от страха. В такие моменты жестокость этой агрессии становится для меня крайне личным переживанием.

И все же, несмотря на этот террор, настроение иранского народа на улицах было чрезвычайно воодушевляющим. Ночь за ночью, на протяжении сорока дней подряд, несмотря на бомбардировки, во время священного месяца Рамадан и в канун нашего Нового года — Навруза — люди не укрывались в своих домах. Они оставались на улицах. Они превратили звук взрывов в фон для проявления солидарности.

Я никогда еще не испытывал такой гордости за то, что я иранка.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Интервью Трамп, Дональд Иран Израиль США
Высший совет национальной безопасности (ВСНБ)